

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЗАПАДНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ НАУКЕ*

Михаил Валентинович Масловский (m.maslovskiy@socinst.ru)

Социологический институт ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Масловский М. В. (2024) Интерпретации российской цивилизационной идентичности в западной социальной науке. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(1): 7–24. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.1>. EDN: BLLIZH

Аннотация. Рассматриваются получившие распространение в западной социальной науке подходы к изучению цивилизационной идентичности и их использование в исследованиях российского общества. Отмечается, что в исследованиях международных отношений в 2010-е годы наблюдался рост интереса к цивилизационной проблематике, что сопровождалось отказом от таких популярных ранее подходов, как модель «столкновения цивилизаций». В противовес концепции С. Хантингтона выдвигались исследовательские программы, ориентированные на изучение «множественных и плюралистичных цивилизаций» и «цивилизационной политики». При этом одним из источников новых направлений послужили теоретические модели современной исторической социологии. Тем не менее в данной сфере исследований сохранялось преобладание конструктивистского подхода к анализу цивилизационной идентичности, не учитывающего в полной мере влияние исторического наследия на формирование подобной идентичности. Западные исследования российской цивилизационной идентичности также нередко опираются на конструктивистский подход, сосредоточиваясь на анализе идеологических дискурсов. В рамках изучения российского «цивилизационизма» западными авторами рассматривались как дискурс политической элиты, так и его воздействие на широкие слои населения. Эмпирической базой таких исследований выступали вторичный анализ данных опросов общественного мнения, а также данные, полученные с использованием качественных методов. Теоретико-методологические подходы зарубежных ученых, обращавшихся к проблеме российской цивилизационной идентичности, представляют несомненный интерес. Однако некоторые выводы, сделанные в ходе исследований, требуют дополнения или корректировки в том числе в силу ограниченного эмпирического материала, находившегося в распоряжении их авторов.

Ключевые слова: цивилизация, международные отношения, историческая социология, идеология, идентичность.

---

* Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 23-18-01067 «Образы, концепты, проекты и модели цивилизационного развития российского общества».

Понятие цивилизации, которое давно и плодотворно применялось в исторической социологии, в последние годы широко представлено в исследованиях международных отношений. В частности, ряд авторов обратились к анализу международной политики «цивилизационных государств», в число которых, как правило, включают и Россию (Coker 2019; Acharya 2020; Пабст 2021). В то же время возрос интерес к роли цивилизационной идентичности во внутренней политике. Влияние идеологии «цивилизационизма» на политические процессы рассматривалась на примере европейских правопопулистских партий (Brubaker 2017), а в дальнейшем такой подход стал более широко использоваться применительно к российским идеологическим дискурсам (Hale, Laruelle 2020; Turoma, Mjor 2020). Вместе с тем в подобных исследованиях в основном игнорировался цивилизационный анализ как направление современной исторической социологии. Между тем, как демонстрируют работы отечественных ученых (Браславский, Козловский 2021; Козловский 2021), теоретические ресурсы исторической социологии могут быть успешно адаптированы для изучения различных аспектов цивилизационного развития российского общества.

В статье рассматриваются новые подходы к изучению цивилизационной идентичности, получившие распространение в западной социальной науке в 2010-е годы, а также их влияние на исследования российского общества. При этом не принимаются во внимание новейшие публикации, вышедшие на фоне обострения отношений между Россией и США и их союзниками после февраля 2022 г. В контексте «новой холодной войны» усилилось идеологическое противостояние, что неизбежно сказывается и на оценках российской цивилизационной идентичности западными авторами. На первый план выходят представления о «стандарте цивилизации», которому, предположительно, соответствуют лишь страны Запада, тогда как действия их оппонентов в большей степени начинают характеризоваться с помощью понятия «децивилизации». Тем не менее в 2010-е годы, когда противостояние России и Запада еще не было столь явно выраженным, в исследованиях российской цивилизационной идентичности были в достаточной мере представлены вполне взвешенные подходы. Одной из задач статьи является оценка того, насколько такие подходы релевантны для сегодняшней отечественной социологии.

Новая волна исследований цивилизационной идентичности и политики в западной социальной науке

В изучении международных отношений в 2010-е годы наблюдался рост интереса к цивилизационной проблематике, что сопровождалось отказом от таких прежних подходов, как модель «столкновения цивили-

заций» С. Хантингтона. В частности, американский политолог П. Катценштейн выдвинул новое направление в изучении «множественных и плюралистических» цивилизаций, взаимодействующих на мировой арене. Прежде всего он указывает на недостаточное внимание к цивилизационной тематике со стороны политологов, которым цивилизационный анализ видится «слишком широким, слишком абстрактным и слишком аполитичным» (Katzenstein 2010: 4). В связи с этим Катценштейн считает необходимым обращение к новейшим социологическим подходам к изучению цивилизаций. Он отмечает также влияние на свое понимание цивилизаций работ историков, в частности У. Макнилла. Наконец, он сопоставляет свой подход с концепцией столкновения цивилизаций Хантингтона. Как подчеркивает Катценштейн, Хантингтон не учитывал внутренний плюрализм цивилизационных констелляций. При этом его тезис не подтверждается результатами эмпирических исследований, которые демонстрируют, что в большинстве случаев конфликты происходят внутри цивилизаций, а не между ними. Более правдоподобной выглядит слабая версия тезиса о столкновении цивилизаций, согласно которой конфликты по линии цивилизационных разломов не являются наиболее распространенными, но они оказываются особенно ожесточенными и с трудом поддающимися урегулированию. Однако принятие такой слабой версии подрывает претензии Хантингтона на создание новой парадигмы в изучении международной политики.

Катценштейн характеризует цивилизации как «внутренне дифференцированные социальные системы, включенные в глобальный контекст» (Katzenstein 2010: 5). Как утверждает исследователь, цивилизации следует рассматривать как «слабо интегрированные социальные порядки, формируемые многообразными акторами, традициями и практиками» (Katzenstein 2010: 6). Вместе с тем цивилизационные констелляции «не обладают четкими границами, плотной интеграцией, централизацией и устойчивостью, которые обычно ассоциируются с ними в общественном дискурсе и формулировках Хантингтона» (Katzenstein 2010: 29). В таком случае сразу же возникает вопрос, насколько применимо к цивилизациям понятие системы, использовавшееся Катценштейном. В его описании они не обладают явно выраженными системными характеристиками, что согласуется с точкой зрения современного цивилизационного анализа в исторической социологии, в рамках которого понятие системы не используется в данном контексте.

Катценштейн указывает на значение для своего подхода идей ряда ведущих представителей исторической социологии, прежде всего Ш. Эйзенштадта, Р. Коллинза и Н. Элиаса (Katzenstein 2010: 14–22). Следует

отметить, что концепция Катценштейна характеризовалась как «смесь исследований международных отношений и сравнительно-исторической социологии», в которой сочетается характерное для Эйзенштадта понимание цивилизаций как «институциональных порядков» с отличающим Элиаса «осознанием исторического движения, процесса и развития» (Smith 2017: 15). Дополнением указанных подходов служит концепция Коллинза, выделяющая цивилизации как «зоны престижа». Вместе с тем Катценштейн недостаточно учитывает внутренние концептуальные проблемы социологического цивилизационного анализа, которые связаны, в частности, с различиями подходов Элиаса и Эйзенштадта (Arnason 2015; Арнасон 2021: 9–12). Американский политолог ссылается в том числе на работы Й. Арнасона, но не включает его концепцию в число источников своего подхода к данной проблематике.

Тем не менее идеи Арнасона, по-видимому, обладают значительным потенциалом для изучения взаимоотношений между акторами современной международной политики (Smith 2017). Особый интерес в данной связи представляет осуществленный Арнасоном анализ процессов межцивилизационного взаимодействия. Предложенный им подход учитывает способность различных цивилизаций к взаимному обучению и заимствованию тех или иных культурных черт, преодолевая выделение «культурной программы» той или иной цивилизации как определяющей ее дальнейшее развитие. Арнасон характеризует особенности межцивилизационного взаимодействия, обращаясь к примерам из истории «цивилизационного треугольника» Европы, Индии и Китая (Арнасон 2021: 62–83). Он считает также, что понятие межцивилизационного взаимодействия применимо и для анализа современных социальных процессов.

Релевантность современной исторической социологии для цивилизационного подхода к изучению международных отношений отмечалось рядом исследователей. В частности, Г. Беттица и Ф. Петито ссылаются на версию социологического цивилизационного анализа, представленную трудами Ш. Эйзенштадта и Й. Арнасона, которая рассматривается в качестве альтернативы тезису о столкновении цивилизаций Хантингтона, а также «критическому» направлению в исследованиях международных отношений, выделяющему роль цивилизационных нарративов как дискурсов власти и гегемонии (Bettiza, Petito 2018). С точки зрения этих исследователей, с одной стороны, не следует считать, что цивилизации обладают неизменной сущностью и четко определенными границами. С другой стороны, цивилизации не должны сводиться к их дискурсивному измерению, поскольку их культурное наследие оказывает структурное воздействие на социально-политические процессы. Однако оба этих

аспекта присутствуют в цивилизационном анализе как направления исторической социологии. Отмечалось, что социологический цивилизационный анализ продемонстрировал «определенную релевантность для изучения периода после окончания холодной войны, но исследования международных отношений обращаются к современности в большей степени, чем сравнительная социология» (Smith 2017: 190).

Г. Беттица сформулировал исследовательскую программу «цивилизационной политики» в международных отношениях. С его точки зрения, в сегодняшнем мире многие акторы ведут себя таким образом, как если бы цивилизации действительно существовали и взаимоотношения между ними были значимы в мировой политике. В таком случае цивилизации предстают как разновидность «воображаемых сообществ». Предложенная исследовательская программа призвана в том числе раскрыть процессы и механизмы, посредством которых носители цивилизационного воображаемого «конструируют цивилизации как наделенные смыслом сущности» (Bettiza 2014: 17). Ключевое значение при этом имеет стремление понять, при каких условиях акторы начинают воспринимать международные отношения как межцивилизационные и как изменяется характер взаимодействия между акторами под влиянием подобных представлений. С таких позиций основное внимание должно уделяться не каким-либо объективным цивилизационным характеристикам, а представлениям о цивилизациях, которые складываются у действующих акторов. В рамках дихотомии структуры и деятельности исследовательская программа цивилизационной политики явно относится к деятельностной стороне (Bettiza 2014: 10). Согласно Беттице, необходимо исследовать, каким образом многообразные акторы в множественных локациях различным образом воспринимают себя и окружающих в цивилизационных терминах. При этом важно учитывать не только то, что говорится о цивилизациях, но и политические последствия подобных дискурсов.

В соответствии с предложенным подходом выделяются три основных пути влияния цивилизационных нарративов на политические процессы. Во-первых, различные формы цивилизационного воображаемого структурируют социальные действия. В этой связи исследовательская программа цивилизационной политики, в частности, выявляет то, как соответствующие нарративы формируют представления о допустимых и недопустимых действиях на международной арене. Во-вторых, цивилизационное воображаемое воплощается в организационных структурах и устойчивых практиках. Как подчеркивает Беттица, представители конструктивистского подхода в изучении международных отношений многократно демонстрировали, что определенные идеи и нормы получают

институциональное воплощение. Этот исследователь предлагает рассматривать не институциональное измерение цивилизаций, а скорее отслеживать изменения в существующих институтах под влиянием цивилизационных нарративов. В-третьих, акторы, выступающие от имени определенной цивилизации, могут получить признание в качестве таковых, тем самым приобретая легитимность. Иными словами, цивилизации «социально конструируются», когда люди не только считают себя представителями какой-либо цивилизации, но и признаются в этом качестве окружающими (Bettiza 2014: 18–19). В конечном итоге, как демонстрирует Беттица, все эти явления могут стать предметом эмпирически ориентированного анализа в исследованиях международных отношений. В фокусе внимания при этом оказываются политические и интеллектуальные элиты (Bettiza, Lewis 2020: 566).

Исследовательская программа цивилизационной политики, по-видимому, может быть использована и для анализа внутривнутриполитических процессов. Данное направление выделяет различных политических акторов и раскрывает причины, по которым они воспринимают какие-либо процессы в цивилизационных терминах. При этом акцент делается на эмпирических исследованиях разных уровней взаимодействия между акторами. Однако в большинстве случаев исследователи, обращающиеся к данной тематике, ориентируются на конструктивистский подход. Но следует иметь в виду, что, хотя цивилизационное воображаемое может воплощаться в реальных социальных практиках и институтах, различные типы такого воображаемого способны к этому в разной степени. Наибольшими возможностями подобного воплощения обладают воображаемые значения, опирающиеся на глубоко укорененные цивилизационные традиции, как конфуцианская традиция в Китае.

Вместе с тем следует учитывать, что исследовательская программа цивилизационной политики не получила широкого применения. В последние годы одним из мейнстримных направлений в западной социальной науке выступало скорее изучение «цивилизационизма» как идеологического дискурса. Эта проблематика, в частности, рассматривалась в публикациях, посвященных распространению популистских тенденций в политической жизни стран Европы. Так, Р. Брубейкер характеризует роль такой идеологии в деятельности популистских партий в некоторых европейских государствах. Он указывает, что понятие нации не исчезает из идеологического арсенала современного популизма, но данное понятие «характеризуется в цивилизационных терминах» (Brubaker 2017: 1211). Такой подход использовался также применительно к российскому «цивилизационизму» (Turoma, Mjor 2020). Следует отметить, что в новейших

публикациях по проблематике цивилизационной политики акцент делается преимущественно на ее идеологических аспектах (Bettiza, Bolton, Lewis 2023).

Г. Хейл и М. Ларюэль обсуждают так называемую новую волну в исследованиях цивилизационной идентичности и политики. Хотя они признают, что понятие цивилизации использовалось историками, социологами и географами, основной акцент они делают на политологических подходах. Вслед за П. Катценштейном они подчеркивают, что цивилизации «являются изменчивыми и гетерогенными, обладают не статичной, но оспариваемой идентичностью, эволюционируют с течением времени и взаимодействуют между собой» (Hale, Laruelle 2021: 599). Очевидно, такое описание напоминает современный цивилизационный анализ в исторической социологии, в особенности его версию, предложенную Й. Арнасоном. Тем не менее Хейл и Ларюэль не ссылаются на данное направление. В то же время они предлагают новый подход к изучению цивилизационной идентичности, опирающийся на «все, что мы узнали за несколько десятилетий конструктивистских исследований» (Hale, Laruelle 2020: 598). По их мнению, цивилизационная идентичность может анализироваться с помощью тех же методологических инструментов, которые используются при изучении иных форм идентичности. Исследования восприятия цивилизационной идентичности характеризуются как имеющие существенное значение для «конструктивистского понимания цивилизационной политики» (Hale, Laruelle 2020: 588). В таком случае изучение цивилизационной самоидентификации должно позволить раскрыть ее влияние в том числе и на паттерны внутренней политики определенной страны.

Хейл и Ларюэль характеризуют цивилизационную идентичность как социально конструируемую и подверженную изменениям. Как отмечают эти исследователи, поскольку понятие идентичности предполагает «понимание своего места в мире, которое может изменяться в условиях быстро меняющегося внешнего окружения, можно ожидать, что такие изменения воздействуют и на цивилизационную идентичность» (Hale, Laruelle 2020: 588–589). Хейл и Ларюэль приходят к выводу, что теория Хантингтона не обладает достаточной предсказательной силой в отношении цивилизационной идентификации, и призывают проводить эмпирические исследования данной проблематики. Они ссылаются при этом на работы Катценштейна и используют термин «цивилизационная политика», но основное противопоставление проводится ими между «примордиализмом» Хантингтона и предлагаемым эмпирически ориентированным подходом к анализу цивилизационной идентичности. При этом одним из

ориентиров для этих исследователей выступает анализ идеологии «цивилизационизма» в работах Р. Брубейкера (Hale, Laguelle 2020: 586).

Как указывают Хейл и Ларюэль, понятие цивилизационной идентичности находит отклик лишь в том случае, если оно «каким-то образом помогает индивидам (как элитам, так и массам) объяснять окружающий мир, а это происходит, если присутствует некоторая степень его соответствия их другим основным представлениям и опыту» (Hale, Laguelle 2021: 600). Однако представление об особой цивилизационной идентичности, по-видимому, может получить отклик в данном обществе, если в нем существует широкое осознание исторического наследия, которое может считаться цивилизационным. Но проблема конструктивистского подхода к изучению цивилизационной идентичности состоит в том, что он едва ли пригоден для анализа такого рода исторического наследия. В то же время социологический цивилизационный анализ позволяет изучать не только разнообразные исторические паттерны и процессы, но и их наследие в современных обществах.

Анализ российской цивилизационной идентичности в работах зарубежных исследователей

Проблема российской цивилизационной идентичности стала в последние годы предметом изучения ряда зарубежных исследователей. В частности, довольно подробно рассматривались цивилизационные подходы в российской научной литературе (Scherrer 2013; Bassin 2016; Mjør 2017). Кроме того, существенное внимание уделялось цивилизационному дискурсу политической элиты (Linde 2016; Katzenstein, Weygandt 2017). Поскольку в 2010-е годы в таком дискурсе заметное место занимал тезис о России как особой цивилизации, западные наблюдатели задавались вопросом о том, какого рода цивилизационная идентичность была при этом востребована. Довольно широкое распространение получила точка зрения о «евразийском» характере данной идентичности. Так, американские политологи П. Катценштейн и Н. Вейгандт рассматривают евразийство в качестве «зонтичного термина», который позволяет объединить разнообразные «цивилизационные, геополитические, националистические, религиозные, антиглобалистские, антизападные и другие идеи» (Katzenstein, Weygandt 2017: 428). С их точки зрения, евразийские идеи разделяются значительной частью российского общества и политической элиты.

Катценштейн и Вейгандт характеризуют «геополитическую» и «цивилизационную» версии неоевразийства, ведущими представителями которых выступают, по их мнению, А.Г. Дугин и Л.Н. Гумилев. Американские

исследователи проводят параллель между концепцией С. Хантингтона и характерным для данных авторов взглядом на цивилизации как «единые культурные комплексы, выстроенные иерархически вокруг неоспариваемых ключевых ценностей» (Katzenstein, Weygandt 2017: 431). Как полагают Катценштейн и Вейгандт, по крайней мере с 2014 г. указанные две версии неоевразийства оказывали воздействие на внешнюю политику России. Тем не менее предложенный американскими политологами анализ предполагает, что «геополитическая» версия неоевразийства является более влиятельной, чем «цивилизационная». В то же время они утверждают, что указанные две версии взаимно усиливают одна другую (Katzenstein, Weygandt 2017: 432).

По мнению американских политологов, с позиций рассматриваемых ими подходов Евразия предстает как «самодостаточный экономический блок и гомогенное, обращенное на себя цивилизационное пространство» (Katzenstein, Weygandt 2017: 433). Они противопоставляют этому образу описание евразийского пространства, которое выделяет его «пористость», открытость и взаимозависимость его частей. Хотя эти авторы следуют некоторым положениям ранее предложенного Катценштейном анализа множественных и плюралистичных цивилизаций, в случае России они фокусируют внимание скорее на различных цивилизационных дискурсах, а не на множественных акторах цивилизационной политики. Характерно, что при этом игнорируется признававшееся Катценштейном значение для анализа международной политики теорий исторической социологии, особенно идей Эйзенштадта. За рамками представленного анализа оказывается роль цивилизационного наследия в российской политической жизни. В центре внимания американских политологов находятся не подкрепленные каким-либо историческим наследием идеологические конструкции неоевразийства.

В то же время утверждения о непосредственном влиянии идей представителей неоевразийского идеологического течения на международную политику российского государства не получают эмпирического подтверждения. Так, Г. Хейл и М. Ларюэль проанализировали 288 случаев использования термина «цивилизация» в речах российских президентов с 2000 г. Как указывают эти исследователи, более чем в половине примеров такого использования данный термин относился к мировой цивилизации, которая противопоставлялась варварству, например в контексте обсуждения победы над нацизмом. В ряде случаев встречались ссылки на другие страны как принадлежащие к определенной цивилизации. Россия как цивилизация упоминалась лишь в 18 % зафиксированных случаев, причем нередко речь шла о европейской или христианской цивилизации. При

этом тезис о России как евразийской цивилизации встречался в официальном дискурсе весьма редко. С одной стороны, данное понятие привлекалось для того, чтобы подчеркнуть роль страны как моста между Западом и Востоком. С другой стороны, этот термин использовался, чтобы выделить роль определенных регионов, которые «располагаются между Европой и Азией в пространственном или культурном отношении» (Hale, Laruelle 2020: 590). В целом ссылки на российскую цивилизационную идентичность, как правило, были далеки от идеологических конструкций неоевразийства.

Представление о плюрализме мировых цивилизаций получило отражение в российских официальных документах, в том числе в принятой в 2008 г. Концепции внешней политики, но речь в них не шла о цивилизационной самодостаточности России. Отмечалось, что цивилизационный дискурс был ориентирован главным образом на достижение равного статуса с ведущими западными державами (Linde 2016: 615), а российская цивилизационная идентичность нередко соотносилась с общеевропейской христианской идентичностью. Вместе с тем в официальном дискурсе получили распространение ссылки на православную религиозную традицию и проводились параллели с Византийской империей как оплотом данной традиции, противостоявшим Западу (Laruelle 2016: 293). В связи с этим в работах зарубежных исследователей выделялось стремление политической элиты представить Россию в качестве «европейской страны, следующей незападным путем развития» (Laruelle 2016: 278). Подчеркивается, что дискурс об особой российской цивилизации получил распространение по крайней мере с 2012 г. (Blackburn 2021: 93).

Как показывают Г. Беттица и Д. Льюис, использование цивилизационного дискурса позволяет политическим элитам артикулировать собственные интересы «не просто в материальных терминах, но как выражение своей внутренней сущности и этически окрашенных мировоззрений» (Bettiza, Lewis 2020: 569). Тем самым могут быть легитимированы разнообразные действия как во внешней, так и во внутренней политике. Отмечалось также, что в российском официальном дискурсе понятие цивилизации, как правило, оказывается многозначным. «В некоторых случаях этот термин отсылает к гуманистической, универсалистской традиции описания человеческой истории и мирового прогресса. В других случаях данное понятие отражает культуралистский нарратив в духе Хантингтона, который классифицирует страны по их принадлежности к “цивилизациям”. Хотя обычно это имеет отношение к месту России в мире и ее взаимодействию с соседями, даже такое использование термина отражает его исключительную пластичность и непоследовательность, поскольку

понятие цивилизационной идентичности применялось стратегически в зависимости от ситуации» (Hale, Laruelle 2020: 591).

В целом, как полагают ряд исследователей, российская политическая элита стремится избежать привязки к какой-либо определенной концепции, ограничивающей ее свободу действия, что относится и к цивилизационному дискурсу. При этом едва ли можно говорить о единстве взглядов представителей политической элиты по вопросу о российской цивилизационной идентичности. Кроме того, цивилизационный дискурс мог «адаптироваться к различным обстоятельствам и аудиториям» (Linde 2016: 624). Обращение представителей политической элиты к понятию цивилизации нередко характеризуется как результат прагматического выбора. Как указывают С. Турома и К. Мьор, цивилизационный дискурс использовался политической элитой для «смягчения российской гибридности, неопределенности государственного статуса, постоянного колебания между Западом и Востоком, а также и между национальным государством и империей» (Turoma, Mjor 2020: 19).

Таким образом, в западной социальной науке сложились разные подходы к оценке воздействия идеологии «цивилизационизма» на российских политических акторов. С точки зрения некоторых исследователей, на взгляды российского руководства оказал непосредственное влияние определенный идеологический дискурс, в качестве которого нередко выделялось неоевразийство. Вместе с тем использование представителями российской политической элиты цивилизационного дискурса расценивалось рядом авторов как преимущественно инструментальное. Отмечалось также, что инструментальное отношение к определенным идеям не означает, что эти идеи выбираются случайным образом (Turoma, Mjor 2020: 6). Обращение к цивилизационной риторике, по-видимому, не является полностью произвольным, хотя едва ли можно говорить о том, что политическая элита разделяет определенный вариант идеологии «цивилизационизма».

В то же время в публикациях западных исследователей предпринимались попытки оценить влияние цивилизационного дискурса на широкие слои российского населения. Так, Г. Хейл и М. Ларюэль обращаются к анализу цивилизационной идентификации на микроуровне, ориентируясь на исследования идеологического «цивилизационизма» и «народной геополитики» (Hale, Laruelle 2020: 587). Прежде всего, эти авторы указывают, что российские граждане оказываются в идейном пространстве, где не существует жестко определенной цивилизационной картины мира. По их мнению, на уровне массового сознания присутствуют три основных варианта цивилизационной идентичности: Россия как европейская, «сме-

шанная» евроазиатская либо особая цивилизация. Хейл и Ларюэль стремятся выяснить, какой из указанных вариантов идентичности является наиболее распространенным и какими факторами это обусловлено. В данном случае они опираются на данные двух опросов общественного мнения, проведенных компанией РОМИР в мае 2013 г. (1000 респондентов) и ноябре 2014 г. (1200 респондентов).

Как признают эти исследователи, использование такого рода эмпирических данных налагает некоторые ограничения. Так, сама формулировка заданных вопросов уже предполагает существование в мире определенных цивилизаций и возможность выбора между ними. Между тем в своей повседневной жизни люди, скорее всего, не воспринимают взаимодействие между государствами в цивилизационных терминах. Сама по себе способность респондентов выбрать один из предложенных вариантов российской цивилизационной идентичности едва ли свидетельствует о значительной степени отождествления ими себя с такой идентичностью. Тем не менее, как полагают Хейл и Ларюэль, вторичный анализ данных опросов общественного мнения может позволить оценить, насколько ответы респондентов, обусловленные их социально-демографическими характеристиками, подтверждают положения конструктивистской концепции цивилизационной идентичности.

Согласно данным опросов, около 90 % респондентов были готовы отнести Россию к какой-либо цивилизации. При этом понимание ими места России среди других цивилизаций зависело от возраста, гендерной принадлежности, уровня образования и ряда других характеристик. Такое понимание во многом было обусловлено также доступом к определенным источникам информации. Вместе с тем на массовые представления о цивилизационной идентичности России не оказывали существенного влияния религиозная и этническая принадлежность. На основании представленных данных Хейл и Ларюэль делают вывод о том, что получает подтверждение конструктивистский подход к цивилизационной идентичности, а не концепция Хантингтона (Hale, LaGuelle 2020: 598). Однако следует учитывать, что в распоряжении этих исследователей был лишь довольно ограниченный эмпирический материал.

Примером использования качественных методов для изучения национальной идентичности русских, а также отношения населения к дискурсу о государстве-цивилизации выступает исследование М. Блэкберна (Blackburn 2021). Автор опирается на материалы свыше 100 интервью, проведенных им в Москве и Московской области, Санкт-Петербурге и Ленинградской области, Нижнем Новгороде и Нижегородской области в 2014–2016 гг. Основными вопросами, интересовавшими исследователя,

выступали историческая память и представления о национальной идентичности и положении России в современном мире. В качестве одного из сюжетов присутствовало также отношение к дискурсу о цивилизационной идентичности России. Как свидетельствуют результаты исследования, представления о России как о государстве-цивилизации в основном не находили отклика у информантов, которые не проявляли значительного интереса к понятиям, отражающим российские цивилизационные особенности (евразийство, русский мир). В то же время «российская исключительность или уникальность артикулировались в очень ограниченных рамках и прагматичном ключе» (Blackburn 2021: 103). На этом основании Блэкберн приходит к выводу о том, что недостаточная артикуляция данных понятий может ограничить мобилизационный потенциал нарратива о государстве-цивилизации.

По-видимому, наиболее оптимальным для анализа проблемы цивилизационной идентичности является сочетание количественных и качественных методов, причем такие исследования проводились отечественными социологами. В частности, в рамках изучения цивилизационного развития российского общества было предпринято исследование конструирования цивилизационных дискурсов элитами постсоветского Татарстана и влияния таких дискурсов на население (Козловский 2021: 175–183). Как показали его результаты, рядовые жители этой республики практически не используют цивилизационный словарь представителей татарских элит, тогда как «региональная, этническая и (или) российская идентичность» оказываются для простых граждан значительно более важными, чем «идентификация с тюркской цивилизацией или тюркским миром» (Козловский 2021: 246). Таким образом, согласно данным, полученным как отечественными, так и зарубежными учеными, цивилизационные дискурсы находят сравнительно слабый отклик у населения различных российских регионов. Однако требуется проведение более масштабных эмпирических исследований представлений россиян о цивилизационной идентичности.

Заключение

Наметившийся в 2010-е годы новый поворот к изучению цивилизационной идентичности и политики, прежде всего в сфере международных отношений, первоначально опирался в том числе на идеи представителей исторической социологии. Так, в работах П. Катценштейна подчеркивалось значение теорий Ш. Эйзенштадта, Н. Элиаса, Р. Коллинза для понимания цивилизационных аспектов взаимодействия различных акторов на мировой арене. В публикациях некоторых зарубежных авторов социологиче-

ский цивилизационный анализ характеризовался как альтернатива тезису о столкновении цивилизаций С. Хантингтона и «критическому» направлению в изучении международных отношений (Bettiza, Petito 2018). Тем не менее эта тенденция не была развита достаточно последовательно. В ходе разработки исследовательских программ, направленных на изучение «множественных и плюралистичных цивилизаций» и «цивилизационной политики», теоретические ресурсы современной исторической социологии были востребованы не в полной мере. В конечном итоге в данной сфере исследований сохранилось преобладание конструктивистского подхода к анализу цивилизационной идентичности, не учитывающего в достаточной степени влияние исторического наследия на формирование такого рода идентичности.

В недавних западных исследованиях российской цивилизационной идентичности указанная тенденция, как правило, была еще более явно выражена. Хотя для изучения такой идентичности в ряде случаев использовались элементы концепции П. Катценштейна, ее связь с социологическим цивилизационным анализом в целом игнорировалась. При этом значительным влиянием пользовался предложенный Р. Брубейкером подход к анализу идеологического «цивилизационизма». В рамках исследований российского «цивилизационизма» западными авторами рассматривались как дискурс политической элиты, так и его воздействие на широкие слои населения. Вместе с тем исследовательская программа цивилизационной политики практически не применялась для изучения акторов, не входящих в состав политической элиты. Несмотря на указанные ограничения, теоретико-методологические подходы зарубежных ученых, обращавшихся к проблеме российской цивилизационной идентичности, представляют несомненный интерес и для отечественной социологии. Но следует учитывать, что некоторые выводы, сделанные в ходе таких исследований, требуют дополнения или корректировки в том числе в силу ограниченного эмпирического материала, находившегося в распоряжении их авторов.

Литература

- Арнасон Й. (2021) *Цивилизационные паттерны и исторические процессы*. М.: Новое литературное обозрение.
- Браславский Р.Г., Козловский В.В. (2021) Цивилизационное измерение структурирования обществ. *Социологическое обозрение*, 20(1): 148–175.
- Козловский В.В. (ред.) (2021) *Российское общество: архитектура цивилизационного развития*. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН.
- Пабст А. (2021) Цивилизация и либеральная демократия. *Полис. Политические исследования*, 30(4): 26–42.

Acharya A. (2020) The Myth of the “Civilization State”: Rising Powers and the Cultural Challenge to World Order. *Ethics and International Affairs*, 34(2): 139–156.

Arnason J. (2015) Elias and Eisenstadt: The Multiple Meanings of Civilization. *Social Imaginaries*, 1(2): 146–176.

Bassin M. (2016) *The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism and the Construction of Community in Modern Russia*. Ithaca: Cornell University Press.

Bettiza G. (2014) Civilizational Analysis in International Relations: Mapping the Field and Advancing a “Civilizational Politics” Line of Research. *International Studies Review*, 16(1): 1–28.

Bettiza G., Bolton D., Lewis D. (2023) Civilizationism and the Ideological Contestation of the Liberal International Order. *International Studies Review*, 25(2): 1–28.

Bettiza G., Lewis D. (2020) Authoritarian Powers and Norm Contestation in the Liberal International Order: Theorizing the Power Politics of Ideas and Identity. *Journal of Global Security Studies*, 5(4): 559–577.

Bettiza G., Petito F. (2018) Why (Clash of) Civilizations Discourses Just Won't Go Away? Understanding the Civilizational Politics of Our Times. In: Orsi D. (ed.) *The “Clash of Civilizations” 25 years on: A Multidisciplinary Appraisal*. Bristol: E-International Relations: 37–51.

Blackburn M. (2021) Mainstream Russian Nationalism and the “State-Civilization” Identity: Perspectives from Below. *Nationalities Papers*, 49(1): 89–107.

Brubaker R. (2017) Between Nationalism and Civilizationism: The European Populist Moment in Comparative Perspective. *Ethnic and Racial Studies*, 40(8): 1191–1226.

Coker C. (2019) *The Rise of the Civilizational State*. Cambridge: Polity Press.

Hale H., Laruelle M. (2020) Rethinking Civilizational Identity from the Bottom up: A Case Study of Russia and a Research Agenda. *Nationalities Papers*, 48(3): 585–602.

Hale H., Laruelle M. (2021) A New Wave of Research on Civilizational Politics. *Nationalities Papers*, 49(4): 597–608.

Katzenstein P. (2010) A World of Plural and Pluralist Civilizations: Multiple Actors, Traditions and Practices. In: Katzenstein P. (ed.) *Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives*. New York: Routledge: 1–40.

Katzenstein P., Weygandt N. (2017) Mapping Eurasia in an Open World: How the Insularity of Russia's Geopolitical and Civilizational Approaches Limits its Foreign Policies. *Perspectives on Politics*, 15(2): 428–442.

Laruelle M. (2016) Russia as an Anti-Liberal European Civilization. In: Kolstø P., Blakkisrud H. (eds.) *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism, 2000–2015*. Edinburgh: Edinburgh University Press: 275–297.

Linde F. (2016) The Civilizational Turn in Russian Political Discourse: From Pan-Europeanism to Civilizational Distinctiveness. *Russian Review*, 75(4): 604–625.

Mjør K. (2017) A Morphology of Russia? The Russian Civilisational Turn and its Cyclical Idea of History. In: Lehtisaari K., Mustajoki A. (eds.) *Philosophical and Cultural Interpretations of Russian Modernisation*. London: Routledge: 44–58.

Scherrer J. (2013) The “Cultural/Civilizational Turn” in Post-Soviet Identity Building. In: Bodin P.-A., Hedlund S., Namli E. (eds.) *Power and Legitimacy: Challenges from Russia*. London: Routledge: 152–168.

Smith J. (2017) *Debating Civilisations: Interrogating Civilisational Analysis in a Global Age*. Manchester: Manchester University Press.

Turoma S., Mjør K. (2020) Introduction: Russian Civilizationalism in a Global Perspective. In: Mjør K., Turoma S. (eds.) *Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia*. Abingdon: Routledge: 1–26.

INTERPRETATIONS OF RUSSIAN CIVILIZATIONAL IDENTITY IN WESTERN SOCIAL SCIENCE

Mikhail V. Maslovskiy (m.maslovskiy@socinst.ru)

Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia

Citation: Maslovskiy M.V. (2024) Interpretatsii rossiyskoy tsivilizatsionnoy identichnosti v zapadnoy sotsial'noy nauke [Interpretations of Russian civilizational identity in western social science]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(1): 7–24 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.1.1>. EDN: BLLIZH

Abstract. The article discusses new approaches to the study of civilizational identities in western social science and their use in the field of Russian studies. There was a rise in interest towards civilizational problematics in international relations in the 2010s which was accompanied by rejection of such approaches as the “clash of civilizations” thesis. In opposition to Huntington’s theory new research programs have been formed which focus on “plural and pluralist civilizations” and “civilizational politics”. One of the sources of these new perspectives can be found in the theoretical models of contemporary historical sociology. However, there was a predominance of the constructivist approach to the analysis of civilizational identities which does not fully appreciate the influence of historical legacies on such identities. Western research on Russian civilizational identity also often draws on the constructivist approach and focuses on ideological discourses. In their studies of Russian “civilizationism” western researchers discussed discourses of the political elite and their influence on a broader population. Such studies were based on secondary analysis of survey

data as well as on the use of qualitative methods. Theoretical and methodological approaches of western scholars who analyzed Russian civilizational identity deserve careful consideration. Nevertheless, some of the conclusions of such studies need to be complemented or corrected due to their rather limited empirical base.

Keywords: civilization, international relations, historical sociology, ideology, identity.

Acknowledgments

The article was prepared within the framework of the Russian Science Foundation project no. 23-18-01067 “Images, concepts, projects and models of civilizational development of Russian society.”

References

- Acharya A. (2020) The Myth of the “Civilization State”: Rising Powers and the Cultural Challenge to World Order. *Ethics and International Affairs*, 34(2): 139–156.
- Arnason J. (2015) Elias and Eisenstadt: The Multiple Meanings of Civilization. *Social Imaginaries*, 1(2): 146–176.
- Arnason J. (2021) *Tsivilizatsionnye patterny i istoricheskie protsessy* [Civilizational patterns and historical processes]. Moscow: NLO (in Russian).
- Bassin M. (2016) *The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism and the Construction of Community in Modern Russia*. Ithaca: Cornell University Press.
- Bettiza G. (2014) Civilizational Analysis in International Relations: Mapping the Field and Advancing a “Civilizational Politics” Line of Research. *International Studies Review*, 16(1): 1–28.
- Bettiza G., Bolton D., Lewis D. (2023) Civilizationism and the Ideological Contestation of the Liberal International Order. *International Studies Review*, 25(2): 1–28.
- Bettiza G., Lewis D. (2020) Authoritarian Powers and Norm Contestation in the Liberal International Order: Theorizing the Power Politics of Ideas and Identity. *Journal of Global Security Studies*, 5(4): 559–577.
- Bettiza G., Petit F. (2018) Why (Clash of) Civilizations Discourses Just Won't Go Away? Understanding the Civilizational Politics of Our Times. In: Orsi D. (ed.) *The “Clash of Civilizations” 25 years on: A Multidisciplinary Appraisal*. Bristol: E-International Relations: 37–51.
- Blackburn M. (2021) Mainstream Russian Nationalism and the “State-Civilization” Identity: Perspectives from Below. *Nationalities Papers*, 49(1): 89–107.
- Braslavskiy R.G., Kozlovskiy V.V. (2021) Tsivilizatsionnoe izmerenie strukturirovaniya obshchestv [The Civilizational Dimension of the Structuring of Societies]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian sociological review], 20(1): 148–175 (in Russian).
- Brubaker R. (2017) Between Nationalism and Civilizationism: The European Populist Moment in Comparative Perspective. *Ethnic and Racial Studies*, 40(8): 1191–1226.
- Coker C. (2019) *The Rise of the Civilizational State*. Cambridge: Polity Press.
- Hale H., Laruelle M. (2020) Rethinking Civilizational Identity from the Bottom up: A Case Study of Russia and a Research Agenda. *Nationalities Papers*, 48(3): 585–602.

Hale H., Laruelle M. (2021) A New Wave of Research on Civilizational Politics. *Nationalities Papers*, 49(4): 597–608.

Katzenstein P. (2010) A World of Plural and Pluralist Civilizations: Multiple Actors, Traditions and Practices. In: Katzenstein P. (ed.) *Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives*. New York: Routledge: 1–40.

Katzenstein P., Weygandt N. (2017) Mapping Eurasia in an Open World: How the Insularity of Russia's Geopolitical and Civilizational Approaches Limits its Foreign Policies. *Perspectives on Politics*, 15(2): 428–442.

Kozlovskiy V.V. (ed.) (2021) *Rossiiskoe obshchestvo: arkhitektonika tsivilizatsionnogo razvitiya* [Russian society: architectonics of civilizational development]. Moscow, St. Petersburg: FCTAS RAS (in Russian).

Laruelle M. (2016) Russia as an Anti-Liberal European Civilization. In: Kolstø P., Blakkisrud H. (eds.) *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism, 2000–2015*. Edinburgh: Edinburgh University Press: 275–297.

Linde F. (2016) The Civilizational Turn in Russian Political Discourse: From Pan-Europeanism to Civilizational Distinctiveness. *Russian Review*, 75(4): 604–625.

Mjør K. (2017) A Morphology of Russia? The Russian Civilisational Turn and its Cyclical Idea of History. In: Lehtisaari K., Mustajoki A. (eds.) *Philosophical and Cultural Interpretations of Russian Modernisation*. London: Routledge: 44–58.

Pabst A. (2021) Tsivilizatsiya i liberalnaya demokratiya [Civilization and liberal democracy]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies], 30(4): 26–42 (in Russian).

Scherrer J. (2013) The “Cultural/Civilizational Turn” in Post-Soviet Identity Building. In: Bodin P.-A., Hedlund S., Namli E. (eds.) *Power and Legitimacy: Challenges from Russia*. London: Routledge: 152–168.

Smith J. (2017) *Debating Civilisations: Interrogating Civilisational Analysis in a Global Age*. Manchester: Manchester University Press.

Turoma S., Mjør K. (2020) Introduction: Russian Civilizationalism in a Global Perspective. In: Mjør K., Turoma S. (eds.) *Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia*. Abingdon: Routledge: 1–26.